

Гусары, кирасиры, кавалергарды и чудотворцы

Лев Михайлович Прокудин-Горский похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Родился в 1772 году. Умер в 1843, почти одновременно с М. Ю. Лермонтовым. И как Лермонтов служил в лейб-гвардии Гусарском полку.

Слово «гусар» значит «летучий всадник».

Когда на своем красавце скакуне с круто изогнутой шеей, Лев Прокудин-Горский, покачиваясь в седле, выезжал в город, то открывались окна, и девушки провожали его влюбленными взглядами.

«Они узнают меня по цокоту копыт моего коня...», — говорил Лев, улыбаясь и ловко лоя цветочки, летевшие ему из окон. Он холлил любимого жеребчика и считал, что «успех у дам делит на двоих», имея в виду своего коня.

Все препятствия преодолевал как человек, сознательно готовивший себя к борьбе и победе.

Был участником знаменитого сражения под Аустерлицем, которое описал Лев Толстой в романе «Война и мир». Именно тогда, как мы помним, был ранен князь Андрей Болконский.

Лев Прокудин-Горский, как и герой Толстого князь Андрей Болконский, участвуя в этом сражении, решал не только конкретную военную задачу. Его волновали и проблемы общего философско-нравственного плана: об отношении к жизни и смерти, отношению к родине, к близким.

Лев Михайлович видел тогда Кутузова. Он запомнил его лицо, когда под натиском наполеоновских полков солдаты дрогнули. На его глазах наш знаменосец был сражен вражеской пулей.

Тогда Лев схватил знамя и ринулся навстречу бегущим, наперекор потоку отступавших, крича каким-то охрипшим, не своим голосом

«Ура-а!». Он услышал, как за его спиной несколько голосов подхватили его крик, заглушенный гулом боя...

В ту минуту он чувствовал себя одним из самых счастливых, делая то, что единственно нужно делать...

Ему был пожалован орден Св. Анны IV-й степени.

Орден этот, учрежденный в память о дочери Петра I Анне Петровне, имел девиз: «Любящим правду, благочестие и верность».

Награждали им «за особые подвиги и заслуги...», когда награжденный рисковал жизнью...

Сохранились в отделе рукописей Российской национальной библиотеки письма 52-летнего Льва Михайловича к другу в Петербург, раскрывающие его как человека строгих правил и благородной души. Подписаны они по старинному: «Остаюсь Вам всегда преданный слуга и друг Лев Прокудин-Горский».

В библиотеке хранятся и письма его супруги Елизаветы Васильевны Киричинской, неизменно о ком-то болеющей сердцем и хлопотней.

* * *

В Отечественную войну 1812 года, когда армия Наполеона вторглась на территорию России, многие дворяне жаловали деньги на ополчение, шли в ополчение, брали с собой своих крестьян.

«Дворянство — ум, душа народа», — произнес растроганный государь.

В первый день пожертвований от дворян было внесено денег 83000, от купцов 25100, от духовенства 10100, от разночинцев 255.

Граф Мамонов получил высочайшее позволение иметь знаменем своего полка стяг князя Пожарского, взятый из Нижнего Новгорода.

Прокудины-Горские делали все, что велел долг: отдавали деньги, шли в ополчение сами, брали с собой своих крестьян. Шли целыми семьями, как это было в 1380 году на поле Куликовом.

Многие из них погибали в той войне. Время не сумело донести до нас даже их имен, но фамилия эта проходит через документы тех лет.

В списках Владимирского ополчения читаем: «1-го пешего казачьего полка м а й о р П р о к у д и н - Г о р с к и й »,

2-го пешего казачьего полка «п р а п о р щ и к П р о к у д и н - Г о р с к и й ».

Пехота. Шли со штыками наперевес.

В 3-м пешем казачьем полку, где начальником был князь Борис Андреевич Голицын, числились «майор Прокудин-Горский, капитан Прокудин-Горский», а так же «прапорщики Прокудин-Горский I и Прокудин-Горский II».

В ополчение пошел и дед моего деда Николай Михайлович, тогда совсем еще мальчик, как Петя Ростов.

Семейное предание сохранило один из эпизодов его походной жизни. Возвращаясь однажды вечером в свой лагерь и проходя мимо кладбища, он услышал доносившиеся оттуда глухие стоны.

Рядом с покосившимися крестами и поваленными надгробиями Николенька увидел лицо мертвеца... только глаза живые, и в них мольба... Луна освещала зеленоватым светом это лицо и саблю европейского образца, лежавшую рядом.

Николенька понимал: одно дело враг в бою, другое — раненый. Как Пушкин писал:

В бою мы павших не топтали...

Юный Прокудин-Горский подошел поближе, стал откапывать раненого, перевязал ему ногу своим шарфом, дал глотнуть живительной влаги и потащил его на себе к развилке дорог...

Здесь выяснилось, что это не «враг», а «друг» — офицер союзной армии, направлявшийся в русский штаб с дипломатическим поручением. Ядром убило его лошадь, и он оказался засыпанным землей и придавленным мертвой лошадью. Долго так лежал, сутки, а может, и больше...

Прощаясь, раненый произнес:

— Господь Вас храни. Европа не забудет великодушия русского офицера.

Через некоторое время пришла реляция, благодарность неизвестному русскому офицеру за «содействие дипломатической миссии». Но Николенька, по свойственной Прокудиным-Горским скромности, промолчал («что тут говорить»), так никто и не узнал имени ополченца, представленного к дворянской медали 1812 года.

Войска ополченцев 1812 года, в которые входили и Прокудины-Горские, назывались тогда «земским войском», «земским ополчением», но чаще всего «народной военной силой»...

Во время Крымской войны Прокудины-Горские снова на защите российских рубежей.

* * *

Михаил Сергеевич Прокудин-Горский (1833 — после 1882) — потомственный офицер, настоящая «военная косточка».

Прапорщиком лейб Егерского Бородинского Его Величества полка участвовал в обороне Севастополя 1853–1854 годов. Егеря — отборные стрелки, предназначенные для разведки и действий рассыпным строем.

Михаил Сергеевич участвовал в Альминском сражении и на Сапун-горе, в Инкерманском сражении и на Черной речке. И хотя оборона Севастополя закончилась поражением, была она поистине героической эпопеей российского оружия, показавшей силу народного патриотизма.

За время, которое Михаил Сергеевич провел на севастопольских бастионах, начав свою службу двадцатилетним юношей, он сильно изменился, привык к постоянному чувству близко живущей смерти. Привык ходить по земле, изрытой глубокими воронками, заполненными разбитыми лафетами, искореженными и навсегда замолчавшими пушками. Привык к жизни на батарее и в траншеях: спать в шинели, есть когда придется, терпеть жажду, холод, жару.

На его глазах менялись живые волны прибывавших на бастионы солдат, затем быстро уносимых смертью, и появлявшихся новых, совсем молодых, но быстро привыкавших к опасности, смерти и подвигу.

И он все более убеждался: российский солдат ведет себя так, словно нет у него страха перед смертью. Даже в поражении солдаты оставались героями, не терявшими высоту духа российского воинства.

В мирное время Михаил Сергеевич стал заседателем Покровской дворянской опеки и мировым судьей.

Его дом славился гостеприимством, в нем часто устраивались приемы и давали балы.

Не обходилось без курьезов. Над парадным входом красовался герб Прокудиных-Горских. Когда гостей было особенно много, старинные двери с цельными зеркалами, постоянно открываясь и закрываясь, начинали издавать певучие звуки. Они как будто вели свою музыкальную мелодию.

Им вторил герб над парадной дверью, вырезанный из дерева.

Отсюда родилась шутка: «Ходить к Прокудиным-Горским под музыку» (то есть на большие рауты).

* * *

Судьба Алексея Неофитовича (Нефедовича) Прокудина-Горского (1785–01.10.1827) сложилась самым необычным образом.

В 15 лет — он мушкетер!

Считал себя исключительно везучим, не боялся никаких превратностей судьбы. Пригнувшись к шее коня, мчался вперед, словно и судьбу крепко держал за уздечку.

Затем стал кирасиром. «Сокрушительный удар сомкнутого строя рослых всадников на мощных конях», — таково назначение кирасир в бою.

Сапоги кирасир были с медными шпорами, треугольная шляпа с султаном из белых перьев. На поединок шли в латах. Наступательное оружие — шпага с золоченым эфесом и два пистолета с золоченой оправой.

Шпагой Алексей Неофитович владел виртуозно. В 19 лет он кавалергард.

Кавалергарда век недолог...

Участвовал в сражении при Аустерлицах, которое историки именовали как «роковое», ибо в нем русская гвардия, жертвуя собой, спасала беспорядочно отступавшие войска союзников.

Был пожалован орденом Св. Анны IV-й степени. Звезду Анны носили на правой стороне груди, а знак — красный эмалевый крест на золотом фоне под мечами и короной — на эфесе холодного оружия: шпаги, сабли или кортика. Отсюда и другое название ордена: «Аннинское оружие».

Затем на этом оружии, кроме знака ордена Анны, стали помещать еще надпись «За храбрость».

Храбрость Алексея Прокудина-Горского не знала границ, в самых жестоких схватках он проявлял ее почти со щегольством, выходящее возникая перед самым носом противника.

«Я просто родился всадником!»

Он шел всегда не отступая до конца, был сильный духом и великодушен.

Наверное, именно эти качества и привели его позже к чудотворцу Серафиму Саровскому.

Выйдя в отставку в чине подполковника и поселившись в своем имении Круглые Паны Нижегородской губернии, в 20 верстах от Саровской пустыни, Алексей Неофитович Прокудин-Горский посвятил свою жизнь на дела милосердия. Он ничего не жалел для нищих, больных и сирот.

На замечания родственников и соседей, что он разоряет своих детей, отвечал: «И, батюшка, я верю, что Бог их не оставит. Ты слышишь ли, родной, ведь он просит-то Христа ради, ну, так как же ему не подать?»

Алексей Неофитович был женат на лютеранке, дочери митавского супер-интенданта Елизавете Федоровне. Разность вероисповеданий его очень огорчала, и он всячески старался склонить жену к принятию православия, но это приводило лишь к взаимному неудовольствию.

Тогда он обратился за советом к своему другу, схимнику Саровской пустыни отцу Марку...

После этого у Елизаветы Федоровны было видение, которое нисходило к ней во сне три раза. Тогда Елизавета Федоровна потребовала от мужа, чтобы он тотчас же вез ее в Арзамас к архимандриту Спасского монастыря, где и «присоединили ее к православной церкви».

В память об этом Алексей Неофитович заказал в Москве большую картину, изображавшую это судьбоносное для их семьи видение.

Более всего он любил умиротворять враждующих между собой и не жалел никаких для этого усилий, устраняя всякое личное самолюбие.

О нем писали, что «памятниками его благочестия служат построенные им две церкви, по обе стороны его дома, во имя Казанской Божьей Матери и Николая Чудотворца».

Он пожертвовал в Успенский собор Московского Кремля икону «Распятие» в «богато украшенном» окладе. Многие десятилетия эта подаренная Алексеем Неофитовичем икона продолжала славиться своей красотой и роскошью обрамления. Вплоть до начала XX века эта икона значилась как «Прокудинская».

Впоследствии Алексей Неофитович Прокудин-Горский стал другом и любимым учеником чудотворца Преподобного старца Серафима Саровского. Он часто помогал ему в приеме богомольцев.

Русская Православная церковь канонизировала Преподобного старца, а в 1907 году в Санкт-Петербургской епархии на Новодеревенском кладбище был освящен храм во имя Преподобного Серафима Саровского. В наши дни Серафимовское кладбище является одной из святынь города. Во время блокады Ленинграда на нем было погребено около 100 000 ленинградцев.

Одно из впечатляющих чудес провидения Преподобного Серафима связано с именем Алексея Неофитовича Прокудина-Горского.

Их взаимоотношения ярко описала дочь писателя Аксакова известного не одному поколению читателей прекрасной сказкой «Аленький цветочек». В своих «Воспоминаниях детства» Надежда Аксакова рассказала о поездке в Муромские леса, где находился зимний монастырский приют отшельника Серафима.

Алексея Неофитовича она представила читателю как высокого господина в отставном гусарском мундире, человека еще молодого по гибкости стана и блеску черных глубоких глаз, старца же по седине в усах и по морщинам, бороздившим высокий лоб.

Выполняя просьбу богомольцев, Алексей Неофитович быстро прошел к двери в толстой стене монастырского приюта отшельника, нагнулся к невысокому дверному проему и «с уверенностью друга дома с улыбкой уже готового приветя на лице мягко проговорил знакомым нам грудным тенором:

— Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас.

Но и на его симпатичный голос не послышалось ответа из-за закрытой двери.

— Коли Вам, Алексей Неофитович, не ответил, стало быть, старца-то и в кельи нет».

Когда читаешь написанное Аксаковой, то видишь Алексея Неофитовича перед собой как живого, и мне представляется он очень похожим на моего деда Владимира Михайловича Прокудина-Горского.

Интересно примечание Аксаковой, которое она делает к имени Алексея Неофитовича: «Сосед моего дяди по имению, известный своей благотворительностью, которую он простирал до того, что раздал бедным все свое имущество».

Алексей Неофитович отдал крупную сумму на достройку монастыря, пожелав сохранить при этом инкогнито. За несколько дней до кончины подарил в монастырь икону в серебряном окладе, которая днем позже «заплакала».

Когда состоялась, наконец, на лесной поляне встреча богомольцев с отцом Серафимом, тот особо выделил Прокудина-Горского, поманил его к себе рукой и произнес:

— Скажи им, сделай милость, чтоб напились скорей из этого родника. В нем вода хорошая. А завтра я буду в монастыре. Непременно буду...

В обратный путь с богомолья Аксаковы возвращались уже одни, только своей семьей, подстраиваясь под тихий шаг бабушки, матери писателя Аксакова.

Их сопровождал Алексей Неофитович.

«Отец тихо запел, — вспоминает Надежда Аксакова. — Запели, как всегда, и обе старшие сестры и брат подросток... Подтягивал им глубокий тенор Прокудина...»

Колоритная картина встает со страниц воспоминаний Аксаковой.

Когда все паломники уже расходились со двора, к Алексею Неофитовичу, ехавшему верхом, подошел монастырский служка.

Он передал ему наказ отца Серафима не отъезжать, не повидавшись с ним.

— Проститься хочет старый друг, отец мой духовный, — заметил на это Прокудин-Горский и, оборотясь ко всем присутствовавшим при этом, промолвил, — Идите и вы за мной.

И вот вся семья Аксаковых снова потянулась за Прокудиным-Горским по длинным коридорам монастырского корпуса.

Дверь отшельника была открыта настежь, как бы приглашая войти...

«Мы разместились... насупротив дверей внутренней келии», — писала Аксакова.

И затем, в следующей строчке: «В тот вечер он предсказал Прокудину кончину, сказав: „В Покров“».

Так дата смерти Алексея Неофитовича была указана чудотворным старцем с точностью до одного дня — в праздник Покрова Богородицы 1 октября.

Алексей Неофитович сам себе назначил место для могилы и стал готовиться к смерти, «как к приему давно желанного друга с упованием и твердостью христианина».

Когда же наступил святой праздник Покров, в Нижнем Новгороде стало твориться что-то невообразимое. Все стремились к белому дому баронессы Моренгейм. Здесь в ту зиму квартировал Алексей Неофитович Прокудин-Горский.

Весь город спешил туда, чтобы поздравить его с приобщением к тайнам святым.

— Ну что Прокудин? — спрашивали всех, кто выходил из дома.

И наши все старшие отправились туда же, — вспоминала Надежда Аксакова.

— Лошадей, разумеется, не запрягали, так как из окон нашей гостиной видны были наискось окна дома Моренгейм.

Нас, меньших, меня и сестренку, оставили под охраной мадам Оливейра, старушки испанки, которую Прокудин-Горский отыскал где-то в трущобах Москвы, умиравшей от голода. Он привез старушку в дом моей матери, чтобы она ее выходила и откормила, пока священник, отец Павел, будет ее обучать догматам и обрядам нашей веры.

Пламенным желанием испанки было уже теперь постричься в монахини в лежащий неподалеку Девичий монастырь.

Сидя в этот памятный день с нами, девочками, она работала свое нескончаемое одеяло. Но вот, тщательно сложив свою работу, она сказала:

— Не пойти ли и нам с вами прогуляться до дома Моренгейм. В дом мы с вами, разумеется, не войдем, но мы можем уловить минуту, когда мой благодетель (Алексей Неофитович Прокудин-Горский) выйдет на балкон, чтоб поклониться ему и поздравить его.

Они собрались в одну минуту и, завернув за угол, стали прохаживаться перед домом, где уже гуляли другие дети, кто с гувернанткой, кто с нянькой.

На колокольне церкви пробило два часа. Стеклопанная дверь на балкон Моренгейм открылась, из нее вышел известный всему Нижнему врач Линдгрин.

Робко подошла к решетке испанка, спрашивая:

— Что наш Прокудин?

— Что ваш Прокудин, — ответил доктор, — он здоровее всех нас и, вероятно, проживет до ста лет.

Прохаживается себе по комнатам своим бодрым шагом, угощая своих гостей рассказами о делах Спасителя на земле. И так рассказывает, что всякому кажется, будто бы он слышит это в первый раз.

Желая совершенно убедиться в его здоровье, я выдумал какой-то анекдот, где приходилось щупать пульс у каждого из гостей. Я пощупал пульс у толстого господина Смирнова, у старой мадам Погуляевой и пульс того, который, по предсказанию, должен скончаться в этот день.

Пульс Прокудина-Горского оказался ровнее и крепче всех.

— Извольте после этого верить предсказанию.

И добрый немец, повернувшись на одной ножке, почтительно поклонился испанке, послал каждой из нас по воздушному поцелую и ушел обратно за стеклянную дверь.

На колокольне пробило половину третьего.

Вдруг стеклянная дверь наверху распахнулась, и «опрометью вниз по ступеням сбежал бледный, как смерть, лакей».

Он кричал:

— Умирает, меня послали за духовником.

Но как ни близка была церковь и как ни спешил отец Павел, все же ему пришлось дочитать отходную уже над холодеющим трупом того, кого бедные и богатые называли другом нищих и убогих.

Умирая, Алексей Неофитович Прокудин-Горский опустил в кресло, прильнув головой к его высокой спинке.

Правильные благородные черты лица отставного гусара были совершенно спокойны.

— Преставился, — громко сказал седовласый пономарь, стоявший с кадилом в руках.

— Да, — прибавил священник, утирая крупную слезу со щеки. — И теперь он там, откуда отбеже и печаль, и болезнь, воздыхание.

Врачи не обнаружили в скончавшемся никаких признаков приближавшейся смерти.

Таинство великое свершилось...

Алексей Неофитович скончался на 42 году жизни 1 октября 1827 года.

Под звон нижегородских колоколов длинная вереница потянулась проститься с Прокудиным-Горским, избранным учеником отца Серафима, с благодетелем и целителем...

Горько оплакивали его кончину и на плечах несли гроб до могилы.

Многих излечил он на Муроме от тяжких, а то и вовсе неизлечимых недугов.

«Может статься, в Нижнем Новгороде или в окрестностях Сарова и сейчас найдется кто-либо, помнивший смерть Прокудина-Горского...»